

В ЧИСТОМ НЕБЕ ПОЕТ ЖАВОРОНОК

ШОН О'КЕЙСИ

Литераторы западного мира выглядят утомленными. Они ступают по вязкой почве, пахнувшей грехом, и морщатся при любом дуновении свежего ветра. В своих романах, пьесах, поэмах они стремятся убить надежды, живущие в сердце человека. С божьей помощью они и не жалели сил, но оказалось не так-то просто заглушить порывы человеческой души или задобрить их. Эти писатели считают, что надежды порождаются дьявольским началом в душе человека, и готовы затоптать литератора, осмелившегося охранять и лелеять мечту человека о лучшем. О, как не любят они пения жаворонка в чистом небе!

Наши современные писатели, драматурги, поэты, очеркисты будто находятся за кладбищенской оградой. Они пишут, бия себя в грудь от отчаяния, причитая, как наемные плакальщицы: «О горе, о проклятие!» Даже одаренные сочинители этих грустных песен не знают, куда идти, ступают дрожащими ногами, словно жизнь надела им на шею мельничные жернова.

Эти писатели неоригинальны, зло отвергая все великое и радостное, что дает жизнь. Их мысли — это мысли их идеологических хозяев, которые сеют отчаяние в западном мире во имя определенных интересов. Эти литераторы не утруждают себя, чтобы почерпнуть что-либо из сокровищницы великих гениев литературы, которых также дал Запад.

Мелки и мертвы человеческие души, жизнь не стоит того, чтобы о ней заботиться, земля — это сумасшедший дом, темница, морт — вот их напевы. В каждой фразе они отказывают живому в праве на существование, но сами прилипли к жизни, как плоть к стене. Они калечат жизнь, как только могут, но вызывают доктора, почувствовав легкий приступ насморка. Они служат не тем, кто видит великие перемены и светлое будущее, кто мечтает о весне человечества, как, например я, хотя я уже стар и сед.

Большинство пьес, написанных вчера и сегодня в Англии, не вызывают здорового смеха или хотя бы смутной веры в величие жизни, в достоинство человека. Авторы заботятся лишь о своей персоне. Сборник таких произведений недавно появился в книжных магазинах. В предисловии к нему известный английский театральный критик Кеннет Тайнан пишет, что это «пьесы бунтовщиков». В действительности же пьесы обходят вопросы политики, игнорируют капитализм и коммунизм в сложном процессе сосуществования. «Бунтовщики» восстают лишь против того, что они считают парадоксальным.

Герои этих пьес говорят языком избранных, одеваются в эксцентричные платья, наслаждаются своей узкой философией, полностью отгородились от общества, в котором они живут.

Человек не может избежать общества, в котором он живет. Какую бы отличную от общепринятой одежду ни носили мужчины и женщины, они не совершают восстания против господствующей власти в обществе.

В одной пьесе говорится: «Правила, законы, нормы, наставления, гарантии, традиции — к черту все!»

Хороша проповедь! Никаких традиций, никаких законов! Как раз сейчас мы нуждаемся в них во имя нашего гражданского и общественного спасения. И будем нуждаться до тех пор, пока не достигнем высшего образа мышления и развития. Проблема не в том, чтобы покончить с традициями и законами вообще, а в том, чтобы найти передовые пути развития общества, сохранить и развить здоровые, прогрессивные традиции. Было бы на пользу всему человечеству, если бы улучшились нормы национальной и международной жизни.

Есть на земле несправедливость и глупость. «Бунтовщики» не восстают против них. Они убегают прочь от настоящей жизни, и причина такого отношения кроется в них самих. Они думают, будто задают ритм жизни Вселенной, а время истории, отсчитывая секунды, ориентируется на биение их сердца. Их герои переживают крушение надежд, неудовлетворенность, горе, иногда все, вместе взятое. Но все эти испытания — сугубо личные, далекие от реальной жизни. Жизнь, естественно, не замечает их и идет своим путем. Эти чувства должны быть отодвинуты на задний план во имя великой борьбы человека за обеспеченную, более яркую жизнь.

Человек — единственное живое существо, способное разгадать тайны природы и осознанно любить жизнь. Он обогатил мир, который выглядел бы мертвым и был бы действительно мертв. Он облагородил землю, на которой мы все стоим.

Как бы ни волновалось море, корабль жизни доставит людей к счастливому берегу. Человечество полно храбрых мужчин и женщин. Когда холера распространилась по Египту, самолеты

многих наций доставили медикаменты. Когда нацисты бомбили Лондон, молодая медицинская сестра не покинула больных, которых нельзя было переправить в убежище, и погибла вместе с ними. Тринадцатилетний английский паренек спас недавно двух девушек, тонувших в море... Жизнь никогда не будет иметь недостатка в героях, незаметных, не избалованных почестями, но всегда готовых действовать.

Наш мир величествен, и жизнь рождает пламенные надежды. Несмотря на американский барабанный грохот и западноевропейские вопли, жаворонок в чистом небе поет песню надежды. Эта надежда — в действии. Она обогащает мир и будет обогащать еще тысячи миллионов лет, вечно, пока не остановится Время Вселенной. А оно не остановится!

Несколько слов о советской литературе, хотя я не считаю себя литературным критиком или человеком достаточно компетентным, чтобы делать какие-либо выводы. Мне хочется поделиться своим общим мнением, которое, возможно, покажется кое-кому ошибочным. Я с трудом запоминал непривычные для нас русские имена и названия. Но, читая советские романы, я увлекался не буквой, а новым духом. И именно этот новый дух, а не буква отличает советскую литературу!

Мое знакомство с советской литературой начинается с «Цемент» Федора Гладкова и кончается «Братями Ершовыми» Всеволода Кочетова. Между написанием этих двух книг лежит большой период истории советской литературы.

Меня увлекает советская литература светлыми надеждами, непоколебимой верой, решительностью, храбростью. Советская литература не боится настоящей жизни, не уклоняется от ее трудностей, не кривит душой. Я полюбил лирические описания московского неба, утреннего Ленинграда, приволжских степей или русской березки. Я представляю себе Алитета, уходящего в горы, быстрые изменения, которые принесла советская власть людям Дальнего Севера.

Но мне кажется, что, рисуя реалистические картины, советские писатели недостаточно полно пользуются красками лирики и юмора. Некоторые подчас пугаются здорового смеха. Они будто скованы — в их описаниях не чувствуется легкости в хорошем смысле этого слова. Возможно, им следует позаимствовать легкость и юмор у Олега Попова, взять у него то, что он видит и слышит. В советских романах хочется чувствовать стремительность, которую мы видели здесь в плясках ансамбля Советской Армии, и вашу тонкую восхитительную сатиру, которой мы наслаждались, когда у нас выступал Театр кукол Сергея Образцова. Слова могут петь и танцевать, создавая такую же прекрасную картину, какую мы видели здесь по телевидению: девушки из украинского ансамбля танца грациозно и легко кружились по сцене, словно вышивая чудесный ковер.

Два прекрасных ранних произведения советской литературы — «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Хождение по мукам» Алексея Толстого — навсегда остались в моей памяти. Незабываема написанная Борисом Полевым «Повесть о настоящем человеке», который преодолел увечье, отчаяние и стал снова Человеком — воистину с большой буквы. Перечислить все эти книги невозможно. На одни названия произведений Горького потребовалось бы слишком много места.

Мне кажется, друзья, что советские писатели могут смело дерзать, уверенно смотреть вперед. Они могут гордиться немалыми достижениями. На мой взгляд, у советской литературы впереди еще более прекрасное будущее.

Англия, май.